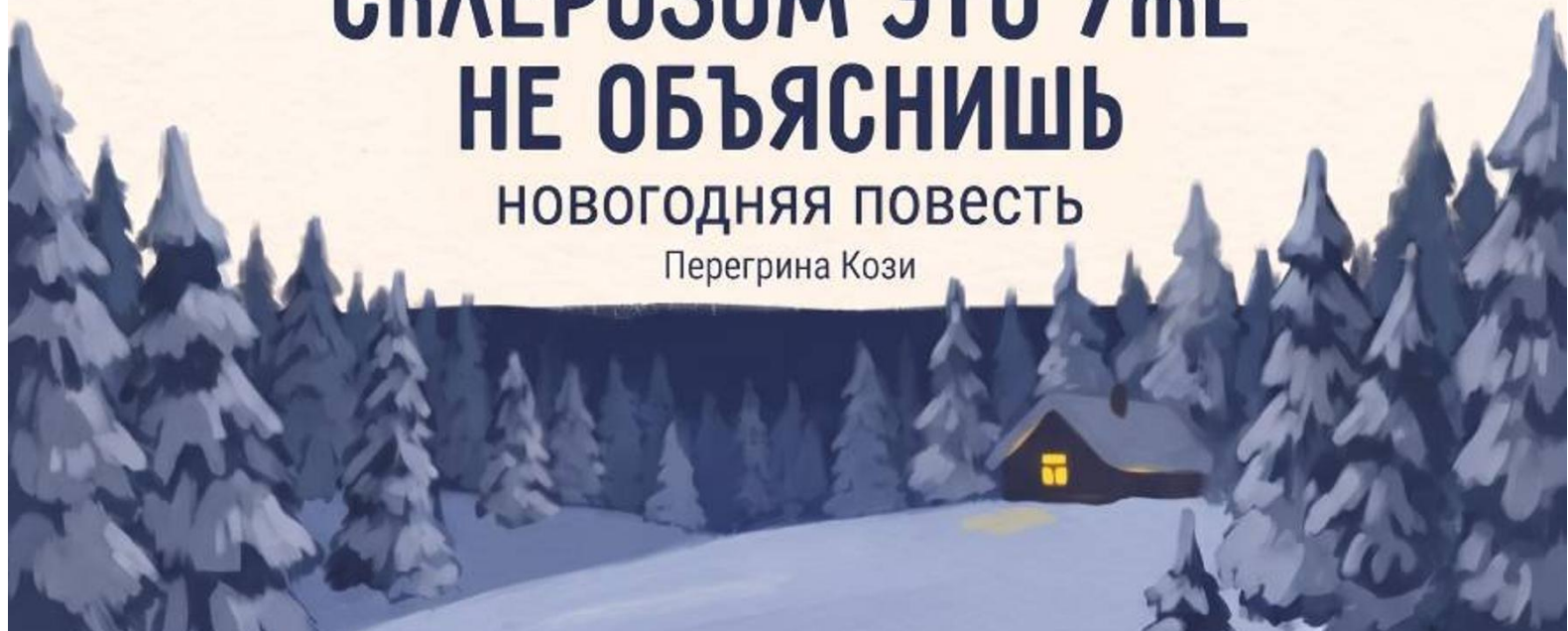

СКЛЕРОЗОМ ЭТО УЖЕ НЕ ОБЪЯСНИШЬ

НОВОГОДНЯЯ ПОВЕСТЬ

Перегринна Кози

Перегрина Кози

**Склерозом это не объяснишь:
новогодняя повесть**

«Автор»

2026

Кози П.

Склерозом это не объяснишь: новогодняя повесть / П. Кози —
«Автор», 2026

Меня зовут Борис Игнатыч. Мне шестьдесят восемь, я бывший лесник, а ныне сторож заказника. В планы на декабрь входили кроссворды, какао и починка печки. Вместо этого в окно постучала помощница Санты: ростом с трёхлетку, в жёлтом комбинезоне, с иглой, в которой живёт капля северного сияния. Магия сломалась, портал не открывается, а мне делают предложение мечты: стать Злодеем. Безобидным, новогодним, с загадками и похищением праздника. Я сказал: подумаю. Печка сказала: уже поздно думать. Дальше были три испытания, зимний король, чайник, который поёт, и носок, спасший Новый год. Склерозом это уже не объяснишь.

© Кози П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть 1. Вакансия злодея	6
Часть 2. По ту сторону кедра	10
Часть 3. Зима, что пахнет летом	13
Часть 4. Прикасавшийся	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Склерозом это не объяснишь: новогодняя повесть

Глава

Часть 1. Вакансия злодея

За окном выла такая метель, что даже полярная ночь казалась густой и живой. Я только вернулся с обхода — все в порядке, звери в норах и домах, накормлены. Никто не блуждает в такую пургу. Отряхнулся, повесил тулуп, сварил какао. Сажу в кресле у печки, пытаюсь в газетном кроссворде отгадать «восьмibuквенное слово, обозначающее внезапную рискованную затею». Тишина. Только треск поленьев да завывание в трубе. Спокойно так. Голова немного кружится — не иначе, давление. Или просто от бесконечной ночи, от этого марева за окном. Да и странностей вокруг.

И вдруг — стук. Четкий, настойчивый. Не в дверь, а в стекло. Мороз по коже прошелся, не скрою. Кто в такую погоду? До деревни — семь верст по снежной целине. Дети? Не рискнут.

«Сослуживцы подшутить? Да кому я на пенсии нужен... Или привиделось. От какао с зефиром галлюцинации бывают?»

Подошел к окну, протер ладонью заиндевшее стекло. И обомлел.

На подоконнике, прижавшись к стеклу, сидело... существо. Маленькое, ростом с трехлетнего ребенка, в ярко-жёлтом, будто из солнечных лучей сшитом, комбинезоне, усеянном вышитыми солнцами. На голове — шапка-ушанка с крошечными подсолнухами. А из-под шапки торчали два больших заостренных уха, облепленные снежком.

«Вот те на. Зрение окончательно село. Или склероз. Начитался на ночь сказок для утренника, вот мозг и выкидывает фокусы».

Я моргнул, потом протер глаза кулаком, снова моргнул. Но видение не исчезало. Оно постучало крошечным кулачком ещё раз, и в его огромных, полных отчаяния глазах было что-то слишком уж настоящее, невообразимо живое. В одной руке она сжимала какой-то странный предмет — похожий на большую иглу, но с каплей льда на конце, где должно быть ушко.

Разум кричал, что этого не может быть. Что пора вызывать «неотложку», а не форточку открывать. Но сердце — старая, глупая мышца — сжалось при виде этого синеющего от холода комочка. Пусть бред, но я же не бесчувственный! Я распахнул форточку. В комнату ворвалась стужа и комочек в жёлтом комбинезоне. Она упала на пол, едва не потеряв свои тапочки.

— Т-т-тепло... — прошептала она, и зубной стук заглушил слова.

Я закутал её в свой клетчатый плед, усадил поближе к печке, поднес чашку с какао. Она пила маленькими глотками, а я разглядывал. «Волшебное? Да нет, бред. Галлюцинация от одиночества. Маразм крепчает. Завтра позвоню Тане, медсестре, пусть таблеток каких-нибудь пропишет». Она всё пила, а я всё смотрел. «Ну вот, теперь и обонятельные галлюцинации. От нее пахнет... летом? Сушеной травой и теплым ветром? Борис Игнатыч, держись».

— Спасибо, — голосок у нее оказался звонким, как колокольчик, и слова сразу полились рекой. — Я думала, замерзну совсем! А у тебя дом какой уютный! И пахнет... деревняшками и вареньем! Ты тут один живешь? А почему у тебя на столе иголки с нитками? Ты что, шьешь? Ой, а это что, кроссворд? Я обожаю слова! Меня зовут Зия! Я летняя помощница Санты, но сейчас я тут по спецзаданию!

Я слушал, кивал, подкладывал в печь дрова. Тут она указала на свою иглу с замерзшей каплей и погрузилась: — Я собирала магию северного сияния для новогодних фейерверков. А эта капля — мой инструмент. Она ловит и хранит свет, а потом я творю магию, — сказала она с гордостью, — но тут такая вьюга поднялась... Вода у ушке замерзла, магия немного... э-э-э... вышла из равновесия. И портал закрылся. Не могу никак домой. Но ничего, она сейчас сама отгадает! Нам вообще говорить с людьми нельзя, но уж так вышло, что не было у меня другого выбора! Ну, так как тебя зовут?

Она умолкла, ожидающе глядя на меня. Казалось, ждет, пока я скажу хоть слово, чтобы снова выпалить новую тираду. Помощница Санты.

«Ярко бредишь, старина, — констатировал я про себя с какой-то усталой покорностью. — Целый сюжет разворачивается. И даже логичный — капля замерзла, вот и вышла из строя. Как твой старый мотор на «Ниве» в тридцатиградусный мороз».

— Борис Игнатыч, — бросил я наконец, смирившись. Пусть бредится. Хоть компания. Лучше, чем в одиночестве кроссворды щелкать.

— Борис Игнатыч! А это что за волшебный напиток? — она указала на опустевшую кружку. — Он сладкий и... щекочет язык! У нас такого нет! Только сосульки-шипучки и горячий сироп из хвойных почек. Ты его сам сделал?

Я хмыкнул в усы: «Ну, надо же, галлюцинация ещё и дегустатор». — Какао. Обычное. Из магазина. Зефирки вот сам в городе покупаю, когда по делам езжу.

— Зе-фир-ки! — с восторгом протянула она. Её ушки при этом радостно дёрнулись. — Какое красивое слово! А в кроссвордах оно встречается? Ой!

Она вдруг потянулась через стол и ткнула коротким пальчиком прямо в газету у меня на коленях. Я даже вздрогнул — призрак, а на ощупь тёплый и очень настоящий.

— Ты разгадываешь? А сам составляешь? Я вижу, там, на полях твои пометки! — Она скосила глаза, стараясь прочесть мои каракули. — «По вертикали: рыба северных морей, шесть букв». Это омуль?

Чёрт возьми. Я невольно оживился. А ну как это и правда я себе всё придумал, и теперь мой же мозг экзаменует меня по ихтиологии?

— Навага, шесть букв, — поправил я машинально. — Омуль — правильно, но пять. — Прищурился, вглядываясь в это странное личико. — А ты... э-э-э... откуда знаешь?

Она таинственно подмигнула мне одним глазом, зелёным, как летняя хвоя.

— Мы все знаем! В основном про детей, за которыми наблюдаем, их хобби и все такое. А тот мальчик, Петя, он только о рыбацких снастях и мечтает! А ты кто? Ты рыбак?

— Лесник. Бывший, — покачал я головой. От таких приземлённых разговоров голова хоть не кружилась. — Теперь сторож. За заказником смотрю, чтобы никто без дела не шлялся и зверя не тревожил.

— Лесник! — Её глаза загорелись так, будто я сказал какое-то волшебное слово. — Так ты с лесом на «ты»? Это же здорово! Значит, ты знаешь всех белок по именам? И с медведем здороваешься? И ветер тебе новости нашептывает?

Я нахмурился. Вспомнились вдруг пристальные бусинки-глазки рыжей белки утром, которая, казалось, вот-вот заговорит, и тот странный, мелодичный вой в проводах, похожий на забытую колыбельную. Ерунда, конечно. Но откуда она...

— Белок... знаю. Подкармливаю. А ветер... — я замялся, чувствуя себя дураком, который оправдывается перед видением, — ветер он и есть ветер. Шумит.

— Ага! — Зия удовлетворённо кивнула, будто получила подтверждение важной теории. Её взгляд скользнул по моей аккуратной горнице. — А я смотрю, ты один тут живешь. Большой дом для одного! И такой... аккуратный!

Её внимание притянула диванная подушка с вышитым крестиком северным оленем. Работа была тонкая, швы ровные, цвета подобраны так, что казалось, будто зверь вот-вот фыркнет и шагнёт с бархатной ткани. «Долго мы тогда с этой вышивкой провозились», — мелькнуло у меня в голове.

— Ой! А это что?! У тебя оленья стадо на подушке живёт! Какая тонкая работа! Это ты...

— Мы с женой... — вырвалось у меня резко, почти грубо, и щёки предательски залились горячей краской. — Покойной. Вышивали.

Зия мгновенно смолкла. Весь её солнечный, болтливый шум куда-то испарился, уступив место тихой, взрослой серьёзности. Она внимательно посмотрела на меня, потом — на подушку.

— Ой. Прости. Это очень красиво, — тихо сказала она. — Она, наверное, была волшебницей.

В печке треснуло полено. Я молча смотрел на огонь, сжав свои крупные, в трещинах и старческих пятнах, руки в кулаки. Откуда у галлюцинации такая тактичность? У мозга не было ответа.

— А дети у тебя есть? — спросила Зия уже совсем осторожно, понизив голос.

— Сын. В городе. Инженер. Редко приезжает. С внуком... только по видеосвязи.

Она кивнула. И в этом кивке была не просто вежливость, а какое-то глубокое, печальное понимание. Будто она видела не просто одинокого старика, а всю длинную, тихую ленту моей жизни, разложенную перед ней. Потом её взгляд упал на мои ноги.

— А почему ты в таких смешных... ну, этих, валенках ходишь? — Она указала на грубые, сваленные из шерсти дедовы сапоги. — Они такие огромные и добрые!

Я с облегчением вернулся к бытовому. Это я ещё мог объяснить, хотя бы самому себе.

— В доме холодно нынче, а все ботинки мои, будто сдулись сегодня. Склеились, что ли, от мороза... Пришлось дедовы доставать с чердака.

Но Зия, похоже, ухватилась за эту ниточку. Её глаза снова загорелись азартом исследователя, нашедшего редкий феномен.

— Интересно-интересно! А ещё что-нибудь странное происходило?

— Она придвинулась к краю стула, и её ушки насторожились. — Не слышал ли ты, чтобы тебя по имени звали, когда никого нет? Или чтобы часы вдруг начинали тикать в обратную сторону? Или чтобы тень от печки танцевала?

Я сурово нахмурился, но внутри что-то ёкнуло. «Танцевала...» Нет, тень не танцевала. Но беличьи взгляды и ветер-напев... Я отмахнулся, стараясь сохранить остатки здравомыслия.

— Что ты... Какие танцы... — буркнул я и, не выдержав её пристального, ждущего взгляда, сдался. Сказал же себе — побродить с комфортом. — Белки... Ну, слишком умно как-то смотрят в последнее время. И ветер... да ну, ерунда.

Но для Зии это было не ерундой. Она вскочила, едва не опрокинув плед, и захлопала в ладоши.

— Не ерунда! Это же оно! Магия просачивается! От моей капли, наверное, когда она вышла из-под контроля! Это значит, что место здесь чувствительное! И ты — чувствительный! А ещё ты Дедушкой Морозом бываешь! Мне ветерок-шептун про это рассказал, когда я летала мимо!

Я остолбенел. В голове что-то коротко и громко щёлкнуло. — Какой ещё ветерок-шептун?... — выдавил я. Горло пересохло. — И откуда...

— На праздниках! — весело выпалила Зия, не замечая моего потрясения. — Я видела тебя в мыслях детей! Ты дарил девочке с розовым бантом куклу, а сам думал: «Ну как на бабушку похожа! Одноклассницей моей была»

Воздух словно выкачали из комнаты. Я сидел, не в силах пошевелиться, сжавшись в комок в своём кресле. Это была не просто случайная деталь. Это была та самая мысль, промелькнувшая у меня тогда, на сельском утреннике, мимолётная и стыдная, о которой не знал никто. Никто в целом мире. Только я да... эта девочка с острыми ушами. Никакой склероз, никакие галлюцинации не могли выудить такое из глубин памяти. Это было невозможно.

— Это было так тепло и грустно одновременно, — продолжала она, и в её голосе не было ни жалости, ни пафоса. Только простая констатация факта, как о погоде. — У тебя большое, тихое сердце, Борис Игнатыч.

А потом она засуетилась. Её рука полезла в карманчик жёлтого комбинезона и вытащила крошечный блокнотик в виде божьей коровки. Она открыла его, вынула из корешка миниатюрный грифель, похожий на заострённую соломинку, и начала быстро-быстро что-то записывать, бормоча себе под нос:

— Факты: одинокий, но не ожесточившийся. Знает природу, уважает порядок. Верит в чудо — подсознательно! — но боится в этом признаться, склерозом списывает. Имеет творческую жилку: вышивка, кроссворды. Опыт публичных выступлений в роли благородного волшебника — Дед Мороз! Обладает скрытой харизмой — дети его не боятся, а слушаются. Иии... да!

Она подняла голову и ещё раз обмерила меня взглядом с ног до головы, задержавшись на моей седой, лопатой бороде и на огромных, поношенных валенках. В её взгляде была холодная, почти профессиональная оценка.

— Имеет внешний антураж! Борода! Валенки! Суровый взгляд, но добрые глаза...

Она щёлкнула блокнотиком, и он исчез у неё в ладони, будто и не был никогда. Потом подняла на меня сияющий, безудержный взгляд, полный самой безумной идеи, на какую только был способен этот полярный вечер.

— Идеально, — сказала Зия голосом, не терпящим возражений. Звучало это как приговор. Или как предложение, от которого нет спасения. — Просто идеально. Ты идеально подходишь! — Для чего? — насторожился я. — Стань нашим Злодеем!

В горле вдруг резко запершило.

— Чего?

— Ну да! Чтобы нам было не скучно! Чтобы Новый Год прошел интереснее, чем последние пару веков! Ты же здесь один, ты серьезный, у тебя есть... аура! Аура Тайны! И валенки классные! Ты мог бы немного похулиганить — спрятать где-то подарки, запутать следы, оставлять загадки... Безобидное, веселое похищение нового года, ну, пожалуйста!

Я долго молчал, глядя на это солнечное существо, устроившееся на моем диване. Выражение её лица напоминало мне соседского Васю, когда тот, потряхивая связкой ключей, предлагал: «Игнатыч, давай мою «Волгу» на твои гусеницы пересадим? Для проходимости!» Та же смесь безумия, расчёта и непоколебимой веры в успех предприятия. Только глаза больше и жалобнее.

— Это, — сказал я, наконец, — самое странное предложение за все мои шестьдесят восемь лет. Я подумаю.

Зия засияла. Капля на её игле растаяла, и внутри заиграл крошечный сгусток света — зелёный, синий, лиловый. Северное сияние в миниатюре.

— Отлично! — она подпрыгнула, и её ушки радостно дернулись. — Думай! А я побегу, меня ждут. Спасибо за тепло, Борис Игнатыч! Она взмахнула иглой. Воздух заискрился, пахло хвоей и мандаринами.

— Я пришлю тебе весточку! Божью коровку! — крикнула она, и её фигурка растворилась в снопе искр, похожих на миниатюрный салют.

В комнате снова стало тихо. Только ветер завывал. На диване лежал смятый плед. На столе стояла опустошенная кружка. Я вздохнул, дочитал кроссворд. Восьмibуквенное слово, обозначающее внезапную рисковую затею. «Авантюра».

Я подошел к окну. За окном утихла метель, и в разрывах туч уже струилось северное сияние. Настоящее, северное, холодное и величественное. Я глядел на него и впервые за многие годы не мог понять, где кончается реальный мир и начинается тот, в котором у помощниц Санты замерзают волшебные капли, а у старых лесников съезживается обувь и появляется волшебная компания.

Что ж, нужно было занести в блокнот наблюдений: «Ночью. Метель. В гостях была летняя помощница Санты, Зия. Предлагала работу. Злодеем. Дедовы валенкигодились». Я закрыл блокнот. Склерозом это уже не объяснишь. Придётся думать.

«Подумаю, — повторил я себе. — Если, конечно, к утру не забуду. Склероз, он такой».

И почему-то краешек губ сам потянулся вверх. Самое дурацкое предложение в жизни. А жить-то, выходит, и не скучно.

Часть 2. По ту сторону кедра

Наутро я проснулся с тяжелой головой и стойким ощущением, что накануне перебрал. Не спиртного, нет — перебрал впечатлений. По ощущениям был уже рассвет, но в доме стоял неприличный, небывалый холод. Не просто утренняя свежесть, а костный, злой морозняк.

«В печку, старый дурак, надо было дров подбросить», — первая связная мысль пришла вместе с дрожью в коленках. Я повернулся к печи — и все остальные мысли разом вымерзли.

По чугунному боку моей верной, двадцать лет бесшумно греющей, печки зияла трещина. Не волосок, а настоящая, в палец шириной, чёрная расщелина. Из неё сыпалась на пол ржавая крошка и холодный пепел. Хорошо хоть, не сгорел от углей ночью — хоть в этом повезло.

Я вздохнул, готовясь выругаться, и моё дыхание вырвалось густым облаком. Оно не рассеялось, а зависло в воздухе, сжалось в сверкающий комочек. Комочек затрепал, покрылся тончайшей ледяной коркой, и из него, будто бабочка из кокона, выпорхнула божья коровка из голубого инея.

«Пришлю тебе весточку! Божью коровку!» — отозвалось в памяти. Значит, не склероз. Букашка спикировала мне на ладонь и растаяла, оставив на коже ледяную росу и свёрнутую бумажку.

Развернул. Почерк был угловатый, торопливый.

«Борис Игнатыч!

Прости-прости-прости тысячу раз! Всё вышло из-под контроля не только у меня. Похоже, вчера был массовый сбой — магия пошла трещинами, как твоя печка. (Да, я знаю про печку. ОЧЕНЬ ЖАЛЬ!). Сейчас везде бардак, поломки, и я не могу вернуться — меня срочно бросили чинить кое-что на летней стороне...

Пока магию не починим, в твоём мире будет только чуднее и холоднее. Так что слушай план! Предлагаю тебе временно переехать на нашу сторону, где хоть и бардак, но есть еда и тепло, и видно где трещины магии. И я думаю, ты нам поможешь! Пожалуйста! Не волнуйся за зверье — мой друг присмотрит, он отвечает за оленей у Санты! И не беспокойся, как добраться. Твой Юра тебе поможет. Он ждёт у большого кедра на краю озера.

Одно «но»: порталы пропускают только волшебных. Но об этом я уже подумала. Доверься Юре.

Торопись, пока трещины не стали пропастями.

Твоя (виноватая) Зия.

P.S. Новый год все же обещает быть необычным!»

Читал, и внутри всё медленно опускалось куда-то в живот, тяжелея. «Массовый сбой». «Трещины». «Порталы». И этот дурацкий, не к месту солнечный смайлик в конце.

«Новый год все же обещает быть необычным!»

Обещает. Как будто у меня есть выбор. Я посмотрел на трещину в печи. Дом выстужался на глазах, по стенам уже лезла изморозь. Сказочный мир с бардаком, секретной миссией и едой или моя избушка, которая к вечеру превратится в ледяной склеп? Кажется, меня вежливо спросили: «Борис Игнатыч, вы будете замерзать тут или сходить с ума в сказке?» Не выбор, а приговор. И Зия, вежливо так, его подписала.

И Юра... Как она узнала про Юру? Это же мой старый, почти ручной северный олень, который уже лет пять не отходит далеко от озера, хромает на переднюю ногу, и считает своим долгом сжевать мой тулуп, если я забуду принести ему сахару. Чем он может помочь?

Первой мыслью было — «стар я для всего этого». Сесть, бахнуть чайку, укутаться в три одеяла и ждать, пока либо печку склеит волшебным образом, либо я тихо и цивилизованно окоченею. В деревню идти? Бесполезно — она же пишет, сбой везде. Вторая мысль, злая и едкая: «А кто за зверей в заказнике отвечать будет? Друг Зии, говоришь? А если он такой же

суетный, как она?» Третья мысль, тихая и детская: «А если это правда последний шанс... не просто согреться, а... увидеть?»

Я заёрзал челюстями, разминая онемевшее лицо. Нет, Борис, нельзя. Это ловушка. Съедешь крышей окончательно. Я резко повернулся к столу, чтобы схватить бутылку с растиркой от суставов (самое крепкое, что было в доме), и взгляд упал на полку над кроватью.

Там, в пыльной тени, стоял он. Старенький, потёртый на боках, жестяной чайник с отбитым носиком. Не простой. «Волшебный». Так мы с женой в шутку его называли. Он не кипятил воду — он пел. Перед самым закипанием издавал тонкий, мелодичный, совсем не чайниковый свист, похожий на песенку. С тех пор как её не стало, я ни разу его не ставил. Не мог. Просто хранил. Как хранил и ту вышитую подушку.

Рука сама потянулась к нему. «Возьму, — внезапно, ясно решил я. — Если уж ехать в сказку, то со своим... добром. Чтобы не сглазили. И... чтобы было что из своего мира напомнить». Это было нелогично. Глупо. Но твёрдо.

Дальше всё пошло как в тумане. Я действовал быстро, чтобы не передумать. В рюкзак полетели галеты, сало, спички, железные кружки, чайные пакеты, нож, шерстяные носки. А сверху, бережно обёрнутый в тряпку, — чайник. Оделся в сто одежек. Положил кулек с сахаром в карман. Повесил на шею потёртый компас, хотя какой толк от него там, куда я собрался. Взял в руки фонарь.

Перед выходом замер у порога, оглядывая свою гибнущую крепость. Скрипнул зубами.

— Ладно, — выдавил я в тишину. Голос сорвался на хрип. — Идём чинить сказку, Борис Игнатыч.

Дорога к озеру была мне знакома как свои пять пальцев, но в тот день каждый шаг по снегу отдавался в ушах звенящей тишиной. Лес стоял неестественно безмолвный, ни писка, ни шороха. Даже ветер стих, и только моё дыхание клубилось в морозном воздухе. Я шёл, и рюкзак за спиной тихо позванивал — бился о бока жестяной чайник. Последняя связь с чем-то тёплым и своим.

И тогда я увидел Его.

Под старым кедром стояла не зверь, а фигура. Высокая, прямая, закутанная в лохмотья шкур, отороченные инеем. На голове — не шапка, а громадные, ветвистые оленье рога, тёмные и тяжёлые, будто вырубленные из ночного неба. Голова была гордой, оленьей, и в ней угадывались родные, любимые черты, но из глубины глазниц светились не глаза, а два спокойных, холодных огонька, как отдалённые звёзды. В одной руке он держал длинный посох из карельской берёзы, на конце которого висела связка звенящих костяных и ледяных подвесок. Из широких ноздрей вырывался не пар, а лёгкий, стелющийся по земле морозный туман.

«Мяндаш...» — прошептали во мне детские воспоминания, судорожные и яркие. Дедовы северные сказки у лучины. Не зверь. Дух-хранитель тундры. Первый охотник. Тот, кого позвала тундра и кто ушёл в неё навсегда, став духом-проводником. Тот, кто шагает меж мирами, потому что сам — ни там, ни тут. Так вот как Зия «подумала». Она не просто изменила Юру — она призвала в его древнего духа. Меня охватил леденящий трепет. Этот сахар есть не будет.

Существо — Мяндаш — медленно повернуло ко мне голову. В его глубоких, тёмных глазищах не было ни злобы, ни дружбы. Только бездонное, спокойное знание. Оно фыркнуло, и туман от дыхания окутал меня, пахнул мхом, вечной мерзлотой и чем-то неуловимо знакомым — запахом дома, но дома, уходящего в землю на тысячу лет. Потом оно отвернулось и, не оглядываясь, тяжело зашагало по льду озера.

Я, заворожённый, поплёлся следом.

Мы шли достаточно долго, казалось, дошли до самой середины. Мяндаш остановился, воткнул посох. Ждал.

— Только ненадолго, — сипло сказал я, не знаю кому — Юре, Зие, Мяндашу или самому себе. — И... посмотреть, что за сбой там у вас.

Дух кивнул, поднял посох и описал им в воздухе круг вокруг нас обоих. Серебристый свет хлынул из острия, сплетаясь в сверкающее кольцо, которое сузилось у наших ног и расширилось на уровне голов. Мы оказались внутри светящегося цилиндра, колонны, соединяющей лёд и небо.

«Вот те на, Юрок дает!» — мелькнуло у меня в голове.

И тогда Мяндаш поднял посох над головой и ударил им о призрачный пол этого светового колодца.

Звука не было. Был толчок — не в ушах, а в самой сердцевине бытия. Серебряный цилиндр рухнул вниз, как лифт, но мы не падали — мир вокруг нас поплыл, завертелся, съёжился в сияющую точку. Я лишь крепче сжал лямку рюкзака, почувствовав твёрдый бочок чайника, и подумал:

«Зия писала, что портал пропускает только волшебных. Юра стал духом-проводником. Но почему портал пропустил меня?»

Часть 3. Зима, что пахнет летом

Сначала стало невыносимо ярко, будто кто-то поднес к глазам зажженную сварку. Я инстинктивно зажмурился, но свет бил сквозь веки, заливая всё розовым и золотым. Потом бросило в жар. Не просто тепло — тропический, густой, обволакивающий жар, от которого взмокла спина под всеми тремя свитерами, и валенки на ногах вдруг стали раскалёнными гирями.

Я пошатнулся, открыл глаза и обомлел.

Мы стояли на берегу озера. Но это было не моё, застывшее во льду озеро. Вода здесь была тёплого, изумрудного оттенка, и по её глади скользили огромные кувшинки с сидящими на них... ну, существами. Они были похожи на Зию — такого же небольшого роста, с большими выразительными глазами и заострёнными ушками. Но если Зия была воплощением солнечного луча, то здесь бушевало целое лето во всех его проявлениях.

Один, в комбинезоне из живых бархатцев, сосредоточенно капал росой из ландыша на лотос. Другой, в плаще из паутины, летал на стрекозе и что-то выкрикивал стае юных, неуклюже порхающих птичек. Повсюду стоял гул жизни, смех, звонкие голоса и запах — одуряющая смесь нагретой хвои, цветущего луга и спелых ягод.

«Летняя сторона», — промелькнуло у меня в голове, и я судорожно начал сдирать с себя тулуп.

И тут гул стих. Я почувствовал на себе десятки пристальных взглядов. Существа на кувшинках замерли, стрекоза зависла в воздухе, а кто-то начал сердито перешептываться. Все они смотрели на меня с немым, ошарашенным любопытством, будто увидели снеговика, явившегося в разгар июльского зноя. Хотя, наверно, для них так и было. — Борис Игнатыч! Ты здесь! — Пронзительный, знакомый голосок прорезал воздух. — Не пяльтесь! — звонко крикнула Зия, подбегая и хватая меня за руку. — Это мой друг! Человек! Спецприглашённый! — И, сверкнув глазами, она нарочито медленно показала всем окружающим свой розовый язык.

Последовало короткое молчание. Потом кто-то фыркнул: «Зия в своем репертуаре». Другой вздохнул: «Опять своё». И всё завертелось снова.

Существа, кажется, лишь пожали плечами и вернулись к своим делам, как будто появление человека в летнем мире было хоть и странной, но вполне предсказуемой выходкой именно этой помощницы Санты.

На ней был уже не комбинезон, а лёгкое платьице из лепестков подсолнуха, а в волосах вместо шапки красовался веноч из ромашек. За спиной на ремне висел её волшебный инструмент. Её лицо сияло не только от радости, но и от торопливого возбуждения.

— Ура! Мяндаш справился! Я так волновалась! — Она рывком обняла меня. Её руки были тёплыми и цепкими. Не успел я понять и как-то ответить на приветствие, она снова затараторила: — Я же говорила, всё не случайно! — Она запрыгала на месте, от неё пахло мёдом и переспелой земляникой. — Каждому, кто согласился помочь, дали карту рядом с местами, где они недавно работали! Чтобы понять причину дисбаланса! А я-то где работала в прошлый раз? Рядом с твоим домом, северное сияние собирала! Вот и пересеклись! Так что это судьба! Ну, или очень удачное совпадение с элементами судьбы!

Она сунула руку в карман своего солнечного платья и вытащила сложенный лист, похожий на кусок берёзовой коры, испещрённый светящимися точками и линиями. — Вот, смотри, — она развернула карту перед моим носом. На ней чётко светилась знакомая мне излучина реки, контуры моего заказника и озера, а ещё яркая, тревожная пульсирующая метка как раз на том самом утёсе. — Это место силы. И оно сейчас бо-ле-ет, — она нервно тыкала в эту точку.

Рядом раздалось громкое, недовольное фырканье. Я обернулся. На месте величественного духа стоял мой старый знакомый — хромой олень Юра. Он ткнул меня влажным носом в

бок и требовательно топнул копытом. Его взгляд, полный упрёка и немного вопроса: «Ну где?», был красноречивее любых слов.

«Сахар. Чёрт, совсем из головы вылетело», — мелькнуло у меня в голове. Стараясь не терять достоинства перед этим фантастическим летним миром и торопливой феей, я полез в глубокий карман своего походного тулупа. Рука нащупала заветный, засаленный кулёк. Я вытащил несколько кусков колотого сахара-рафинада. — На, получай, дух-проводник, — пробурчал я, протягивая ему сладкие кристаллы на ладони.

Юра фыркнул уже совсем по-другому, с одобрением, аккуратно забрал угощение мягкими губами и принялся громко хрустеть, явно наслаждаясь. Весь его вид выражал глубочайшее удовлетворение. Казалось, ради этого момента он и согласился на всю эту историю с превращением в духа и межмировыми скачками.

— Валенки, — хрипло напомнил я сам себе, чувствуя, как ноги в грубых шерстяных колодках начинают буквально плавиться. — Сейчас... я просто... задохнусь...

— Стой-стой-стой! — Зия, свернув карту, снова взмахнула передо мной свитком. — Не раздевайся! Мы тут не остаёмся! Надевай свой тулуп! Мы летим!

— Куда? — спросил я, чувствуя, как мой внутренний скептик пытается вылезти из-под груза невероятных событий.

— Мы на зимнюю сторону! Срочно! И не вздумай всю эту... э-э-э... многослойную экипировку снимать! Там минус сорок, а магия обогрева для всех не-хойтов сейчас капризничает! Вы же не хотите превратиться в эскимо, Борис Игнатыч?

«Кто такие хойты?» — мелькнуло у меня.

Прежде чем я успел что-то возразить, она свистнула. Негромко, мелодично. И с неба, бесшумно рассекая тёплый воздух, спустились две огромные полярные совы. Их оперение переливалось, как иней на солнце, а большие круглые глаза светились внутренним, изумрудным светом.

— Стражи порталов, — торжественно прошептала Зия. — На них — самый быстрый путь. Садись! Юра, прости! Но ты останешься тут! Иди к Илюру — он за тобой присмотрит!

Юра фыркнул ещё обиднее и, бросив на меня укоризненный взгляд, заковылял в сторону леса.

Мне, старому и неповоротливому, залезать на огромную птицу было испытанием. Я уцепился за её мягкие, холодные перья, чувствуя себя нелепым грузом, она слегка помогала мне крылом. Рюкзак с чайником предательски зазвенел.

— Держись! — крикнула Зия, и её сова ринулась вверх.

Моя птица последовала за ней. Воздух свистел в ушах. И тут я увидел их. Те самые «разные светящиеся кольца». Они висели в небе, как гигантские мыльные пузыри, переливающиеся всеми оттенками белого, синего и серебристого. Одни были яркими и чёткими, другие — блёклыми, с рваными краями. Сквозь них мелькали то летние пейзажи, то зимние.

— Порталы, — крикнула Зия на лету. — Мосты между сторонами. Некоторые барахлят!

Наши совы направились к одному из самых больших и стабильных колец. Я зажмурился, ожидая толчка. Но его не последовало. Просто на мгновение стало нечем дышать от леденящего холода. И я решился открыть глаза.

Лето кончилось. Зима. Настоящая, крепкая, полярная. Теперь мы летели над заснеженным лесом моей, но не моей, стороны. Здесь тоже кипела жизнь, но тихая, сосредоточенная. Существа в бело-голубых и серебристых одеждах кропотливо вырезали снежинки сложнейших узоров, поправляли снеговые шапки на елях, а один, с кистью из сосульки, водил ею по воздуху, и призрачный морозный рисунок уплывал вниз, к окнам далёкой деревни. Всё было пронизано хрупкой, зимней магией.

— Красиво, да? — Зия, казалось, совсем не чувствовала холода в своем летнем платьеце. — А теперь — на точку! На выступ над озером!

Совы доставили нас на тот самый высокий выступ над озером — мою любимую с детства точку. Это был тот самый высокий холм на краю моего заказника, откуда в детстве я мог часами смотреть на ледяные просторы. Сюда я ходил с дедом замирать от восторга, или в моменты душевных невзгод, когда стал постарше. А в последние годы и не ходил вовсе — возраст, ноги, глаза... Красота будто потускнела.

Но теперь она вернулась — и в тысячу раз сильнее. С холма открывался не просто пейзаж, а дышащая, живая картина. Реки магии текли по небу серебристыми и бирюзовыми лентами, переплетаясь с сиянием, которое было не просто светом, а плотью этого мира. Снег искрился изнутри, а тени от деревьев ложились синими, бархатными глубокими озёрами. У меня захватило дух. Я стоял, забыв и о жаре, и о холоде, и о возрасте, снова мальчишкой, впервые увидевшим чудо.

— Здесь, — серьёзно сказала Зия, прыгнув на снег. — Нужно найти то, что не на своём месте. То, что расскажет о разломе.

Она поклонилась совам. Я, стараясь не упасть, неуклюже скопировал её жест и мне слегка потянуло в спине. В ответ раздалось мягкое уханье, и птицы бесшумно улетели, будто их и не было.

Мы начали искать, оглядывая елки и сугробы, хотя я и не совсем понимал, что искал. И вдруг мой сапог наткнулся на что-то твёрдое. Я наклонился, отёр налипший снег и замер.

Это был он. Старый деревянный конь. Тот самый, которого вырезал мне дед. Краска облупилась, одно ухо было отбито. Сердце ёкнуло болезненно и остро.

— Как он здесь? — прошептал я.

— А ты думал, куда пропадают вещи, когда вы их не можете найти? И как они потом иногда находятся на самом видном месте, будто вас ждали? — Она тронула деревянную гриву. — Наши миры переплетены, Борис Игнатыч. Просто вы, взрослые, иногда слишком внимательно смотрите, чтобы что-то заметить. А чаще всего и смотрите не туда. А иногда просто забываетесь. Вот миры и хулиганят.

И тут меня осенило. Не мысль, а воспоминание — яркое, как вспышка. Я уже видел это. Эти серебристые нити в воздухе. Это мерцание подо льдом. Не сегодня, не с Зией. Много-много лет назад, когда я был мальчишкой и приходил сюда с дедом. Дед молча курил трубку, а я, задрав голову, видел, как в морозном воздухе что-то переливается. Дед говорил: «Это дыхание тундры, внучок. Она с нами разговаривает». А я верил. Потом вырос. И забыл. Забыл, как смотреть.

— Я... помню, — выдавил я. — Я это видел.

— Значит, ты всегда мог, — мягко сказала Зия. — Просто позволил себе забыть.

Я не успел осмыслить, что она сказала, как она вдруг взвизгнула: — Борис Игнатыч, смотри! — Зия позвала меня к старому, полузанесённому снегом камню, на котором я в детстве устраивал «привалы».

На камне лежала изящная деревянная оправа, вырезанная в виде переплетённых ветвей дуба и сосны. В ней, как в окне, зияла дыра, а вокруг валялись осколки. Но не стеклянные. Они были тоньше, чем лёд, и переливались всеми цветами.

— Это же Зерцало Сезонов! — ахнула Зия, опускаясь на колени. — Оно отражает не лицо, а состояние места... баланс лета и зимы в этой точке! Оно... оно разбито!

Она осторожно прикоснулась к дрожащей поверхности в оправе. И вздрогнула, словно её ударило током.

— Ой! Всё смешалось... здесь и сейчас метель и засуха одновременно... духи путаются, теряются... — она отдернула руку, её лицо побледнело. — Оно показывает сам разлом. Но картина неполная. Не хватает...

Я поднял один из ближайших осколков. Он был холодным и в его глубине бушевала слепая, бесконечная метель, без намёка на свет или тепло. Второй осколок, найденный Зией, был, наоборот, тёплым, и в нём пылало неутомимое, выжигающее солнце.

— Вот видишь? — сказала Зия, показывая осколки. — Зима без надежды и новогоднего чуда. Лето без намёка на отдых и солнечную радость. Это и есть болезнь. Они откололись от целого и одичали.

Зия собрала осколки в ладони, и они зазвенели тихим, дисгармоничным звоном — метель и засуха спорили друг с другом прямо у неё в руках.

— Их должно быть три, — прошептала она, поднимая на меня полные ужаса глаза. — Лето, Зима и... Равновесие. Середина. Мост. Осколок, который смягчает крайности и связывает их воедино. Без него... — она снова взглянула на треснувшее зеркало, — ...без него лето выжжет, а зима выморозит всё дотла. Но где он?

Мы обыскали каждый сантиметр вокруг камня, разгребая снег, заглядывая под корни. Ничего. Только ледяной ветер, становившийся с каждой минутой всё злее, и странное ощущение, будто само место на холме разорвано.

— Его здесь нет, — наконец признала Зия, и в её голосе впервые зазвучала беспомощность. — Его кто-то... унёс. Или он упал куда-то... между.

— Между чем? — спросил я, но сам уже догадывался.

— Между сторонами. В разлом. В пустоту, которая теперь растёт. — Она сжала кулаки с осколками. — Борис Игнатыч, и это лишь одно зеркало... а по преданию их...

— Нарушитель.

Она не договорила, как раздался новый голос. Низкий, звучный, как лёд, трескающийся под тяжестью. Воздух вокруг нас сгустился и зазвенел. Снег под ногами превратился в сплошной, зеркальный наст, в котором отражалось не небо, а какое-то искажённое, мёртвенно-синее сияние.

Из самой сердцевины этой внезапной, немой метели вышел Он. Высокий, статный мужчина в плаще из чистого, сверкающего льда, отороченном северным мхом. На голове у него была не корона, а сложная диадема из чёрных сосулук. Его лицо было благородным и суровым, а глаза — холодными, как глубины ледников. За ним стояли двое стражей в доспехах из полированного голубого льда.

— Помощница Санты Зия, — произнёс он, и его голос сковал воздух вокруг. — Ты не только допустила утечку магии в мир людей. Ты ещё и привела человека в нашу сокровенную реальность. Это прямое нарушение Кодекса Вечных Сезонов. Ты отстраняешься от своих обязанностей.

Зия побледнела, но встала между мной и Зимним Королем, сжимая в руке оправу для зеркала и осколки. — Ваше Хладное Величество! Он... он не просто человек! Он... он свидетель! И он может помочь! Он чувствует... чувствует разлом!

— Его присутствие усугубляет разлом, — неумолимо отрезал Король. Его взгляд скользнул по мне, по моим валенкам, по деревянному коню в моих руках. — Он — не должен быть здесь. Он должен быть изгнан. А ты, помощница, предстанешь перед Советом.

Воздух налился ледяной угрозой. Стражи сделали шаг вперёд. Моё сердце бешено колотилось. Я смотрел на испуганную, но не сдавшуюся Зию, на сурового Короля, на волшебный, разваливающийся на части мир вокруг. И вдруг у меня появилась идея. Я медленно, с некоторым трудом, снял рюкзак с плеч.

— Ваше... Хладное Величество, — сказал я, и мой хриплый, человеческий голос прозвучал непривычно тихо в этом ледяном царстве. — Прежде чем кого-то изгонять или судить... может, чаю попьём? У меня как раз с собой. Чайник волшебный. Он... песни поёт.

Я вытащил из рюкзака потёртый жестяной чайник с отбитым носиком. Потом достал железную кружку и пакетик с чёрным чаем. Мои движения были медленными, точными, как ритуал. Я набрал пригоршню чистого, искрящегося снега и положил в чайник.

Я чувствовал на себе взгляды: испуганный — Зии, недоверчивый — стражей, пристальный, изучающий — Зимнего Короля. А в голове крутилась одна мысль, простая и ясная: «Ну что ж, Борис Игнатыч. Склеивать мир будем, кажется. Начинаем с чаепития. С Зимним королём».

Зимний Король смотрел на чайник, будто на самую нелепую вещь во всех мирах. Но в его ледяных глазах мелькнуло что-то — не то недоумение, не то проблеск давно забытого любопытства.

— Отвечай мне, человек, что такое чай?

Часть 4. Прикасавшийся

— Объясни мне, человек. Что это за... ритуал? И что он может дать, чего не может дать магия инея или летнего нектара?

Я посмотрел на жестяной чайник в своих руках, потом на это ледяное великолепие вокруг и на маленькую, испуганную Зию, заслонявшую меня от властителя зимы.

— Это не ритуал, Ваше Величество, — сказал я, набирая в ладони чистый, искрящийся снег и засыпая его в чайник. — Это... остановка. Пауза. Когда кипяток встречается с заваркой, а пар — с морозным воздухом... рождается момент. Момент, чтобы передохнуть. Чтобы подумать. Чтобы... просто быть. Даже когда мир трещит по швам.

Король молчал. Его ледяные глаза, казалось, вглядывались не в меня, а в сам смысл этих неуклюжих слов.

Я не стал ждать вердикта. Опустился на колени в снег, сняв варежки. Достал спички. Сложил сухой хворост, что торчал из-под наста — здесь, в самой сердцевине магической зимы, он был сухим и послушным. Чиркнул. Огонёк дрогнул, но не погас — будто сама стихия на миг затаила дыхание, уступая место чему-то более древнему и простому. Я поднёс пламя. Затрепало. Маленький, земной костёр запылал посреди сверкающего царства.

— В нашем мире, — продолжал я, устанавливая чайник на огонь, — мы часто чиним сломанное не магией, а терпением. И вниманием. Вот этот чайник... он не простой. Он поёт, когда вода вот-вот закипит. Песню, которой меня научила... которую я помню. Она о тепле, которое можно разделить.

Поставил чайник. Наполнил его ещё одной горстью чистого, искрящегося снега. Всё делал неторопливо, с той особой тщательностью, которая приходит с годами, когда каждое движение — уже ритуал. Зия смотрела, затаив дыхание. Стражи Короля замерли в нерешительности, их доспехи тихо звенели. А сам Король... наблюдал. Искры от костра плясали в отражении его ледяного плаща, будто пытаюсь разгадать его тайну.

Снег растаял с тихим шипением. Я бросил в кипяток два пакетика чёрного чая. И мы все ждали. И в этой совместной тишине ожидания что-то переменялось. Ледяная угроза не растаяла, но отступила, уступив место простому, почти бытовому любопытству.

И тогда чайник запел.

Не просто зашипел. Он издал тот самый тонкий, чистый звук — не свист, а мелодию. Мелодия была простой, грустной и удивительно тёплой. Той, которую я помню. Она виляла в морозном воздухе, сплетаясь с треском огня и тихим звоном осколков в руках у Зии.

На лице Зимнего Короля дрогнула тень. Не улыбка. Скорее, что-то вроде отдалённой, смутной боли. Или узнавания.

— Любопытно. Он... поёт о тепле, которое не жжёт, — тихо произнёс Король. — О тепле очага. Его не было здесь... очень давно.

Я налил дымящуюся жидкость в железную кружку. Пар густой, душистой струйкой поднялся навстречу ледяной дымке его дыхания.

— Прошу, — просто сказал я и протянул кружку ему. Не Зие. Не стражам. Ему.

Он взял кружку своими длинными, изящными пальцами, покрытыми тончайшим узором инея. Прикоснулся губами к краю, сделал маленький глоток. Помолчал.

— Горько, — сказал он. Но не с отвращением. С констатацией факта. — И... сложно. В этой горечи есть слои. Дым. Земля. Дерево. И... тепло. Не то тепло, что дарит лето. Другое. Оно остаётся. — Он опустошил кружку и вернул её мне. Его пальцы, казалось, на миг согрелись от жести. — Человек. Твоя пауза принята. В ней было больше смысла, чем в метели слов. Довольно. Я позволяю тебе также предстать перед советом. Ты, помощница Зия, также. Сейчас. Дело слишком серьёзно для поспешных решений. Теперь — идем.

Он повернулся, и его плащ взметнулся, осыпав нас искрящейся изморозью. Но это уже не было жестом ареста. Это было приглашением следовать. И мы последовали.

Зимний Король не стал вести нас ни на зимнюю, ни на летнюю сторону. Вместо этого он взмахнул посохом, и ледяной ветер, свистящий в его наверху, подхватил нас с Зией, завертел в коконе из искрящейся изморози. Земля ушла из-под ног, но падения не было — лишь ощущение стремительного скольжения сквозь переливающиеся слои тумана и света. Через мгновение холод рассеялся, и мы оказались на чём-то упругом и белоснежном.

Местом для экстренного совета была выбрана абсолютно нейтральная территория — огромное, неподвижное облако, плывущее высоко над спящей землёй. Его поверхность была плотной, как утрамбованный снег, но тёплой на ощупь. По краям клубился перламутровый туман, а в центре возвышались сиденья, созданные из самой субстанции облака: одно — выточенное ледяным дыханием в форму строгого трона; другое — как цветущий холм, сотканный из солнечных лучей и пара; третье — похожее на причудливый стог из переливчатого осеннего тумана; и последнее — лёгкое, как кружево, с журчащими струйками конденсата, стекающими в маленькое озерцо росы.

В центре этого небесного круга стояли мы с Зией. Она, ошарашенная, слегка подпрыгивала на упругой поверхности. Я же, с рюкзаком за спиной и в своих чудовищных валенках, чувствовал себя как на допросе, стараясь не думать о бездне под ногами. Я с детства боялся высоты.

Зимний Король, уже восседавший на ледяном престоле, коротко изложил суть. Его слова висели в хрустально-чистом воздухе облака, обрастая ледяной тишиной.

Летняя Владычица заговорила первой, и её голос был похож на шум листвы:

— Зия. Снова. За последний год твой список шалостей лишь растёт. Нарушение правила о минимальном вмешательстве: ледяной цветок на окне мальчика Егора, который не растаял до марта. Нарушение правила о сохранении маскировки: полёт в сумерках без тумана-невидимки. И теперь — утечка магии и приведение смертного в Сердцевину. Что ты можешь сказать?

— Что мне очень жаль, Ваше Цветущее Величество, но я не знаю, что случилось с магией! — воскликнула Зия. — А это мой друг, — уже тише и смущённо добавила она, и её ушки понуро опустились. — Но я хочу всё исправить. Я найду способ!

— Твой энтузиазм давно перестал быть оправданием, дитя, — вздохнул Осенний Хранитель, перебирая бусины из засушенных ягод. — Ты — лучшая в обращении со светом. Но ты — как необъезженный солнечный зайчик. Постоянно оставляешь после себя ожоги.

И тут слово взял Весенний Источник. Его голос журчал, как ручей:

— А человек? Откуда он? Портал должен был его отторгнуть. Как он прошёл?

Все взгляды устремились на меня. И тут из тени за спиной Летней Владычицы вышла ещё одна фигура. Маленькая, сторбленная, закутанная в плащ из паутины и сухих мхов. Она подошла ко мне, вынула из складок плаща светящийся кристалл и поднесла к моему лицу. Кристалл замигал, и в его глубине поплыли образы.

— Он... уже был здесь, — проскрипела старуха. — Очень давно. Мальчишкой. Заблудился в метель у Большого Кедра. Духи сжалились и привели его сюда, чтобы не замерз. Он провел тут ночь. И... он что-то починил. Маленький, сломанный фонарик-светлячок, что освещал тропу к роднику. Починил ниткой от своей варежки и жеваной хлебной коркой. Сделал это не по долгу, а потому что жалко стало. Мы стёрли память, как положено... но отпечаток остался. Портал его узнал. Он... не совсем чужой. Он — Прикасавшийся.

В круге властителей воцарилось молчание. Я сам смотрел на образ в кристалле — на мальчонку в ушанке, который что-то ковырял пальцами, сосредоточенно морщась. Сердце сжалось — я и правда это помнил! Как сон. Как ту самую забытую сказку. Не выдумку. Мать тогда знатно испугалась и ругала деда, что отпускал меня одного бродить по лесу.

— Значит, он свидетель с историей, — сказал Зимний Король. — Но это не отменяет нарушений Зии.

Тут я не выдержал. Кряхтя, сделал шаг вперёд.

— Раз уж я тут, как вы говорите, «не совсем чужой», позвольте слово сказать. Вы говорите о её прошлых промахах — ваше право. А я — о нынешней беде. Она — первая, кто наткнулся на материальные следы всей этой кутерьмы. На осколки вашего Зерцала. Она уже в курсе обстановки на передовой. Не логичнее ли сначала задуматься о том, как использовать её знания, чтобы починить мир, а уж потом судить?

В этот момент вмешался Осенний Хранитель. Он поскрёб свою бороду из сухих листьев, и его голос прозвучал сухо, но без прежней суровости:

— Человек, как ни странно, прав. Это похоже на расследование пожара в лесу. Первого, кто заметил дым и попытался потушить хоть веткой, — не судят. Его расспрашивают. Что видел? Откуда ветер дул? — Он повернулся к Зимнему Королю. — Она уже в деле. Её руки уже в магии этого дела. И, как мы помним, у неё действительно самый чуткий инструмент для работы со светом. Может, не наказывать, а... назначить ответственной?

Летняя Владычица мягко поддержала:

— Дать задание. Чёткое. «Ты обнаружила симптомы — найди болезнь». Под наблюдением. И под... ответственностью её невольного поручителя. — Она взглянула на меня. Взгляд был не враждебным, а оценивающим, как у садовника, рассматривающего незнакомый, но живучий росток.

Зимний Король замер в раздумьи. Его взгляд скользнул по мне, оценивающе.

— Странно, странно, — произнёс он, наконец. — Но кризис требует нестандартных мер. Помощница Зия получает официальное поручение Совета: выявить исток разлома, используя найденные артефакты как отправную точку. Ты, Борис Игнатыч, утверждаешься как её наставник по части реальности и гарант... земной рассудительности. Вы будете работать вместе. Отчитываться — передо мной и Лузаром, Хранителем Порога. Это не прощение. Это служебное расследование. Справитесь — нарушения будут пересмотрены. Нет... — Он не договорил, но холод в его голосе всё сказал.

Весенний Источник кивнул, и с этим кивком в воздухе запахло талой водой:

— Помощница Зия, ты отстранена от праздничных обязанностей и переведена на исправительные работы. Твоя задача — вместе с этим человеком найти причину разлома и попытаться его залатать.

Зия замерла, не веря своим ушам. Я же просто кивнул, как получая в лесу задание от учёных-экологов.

— Понял. Значит, расследуем. По горячим следам.

Нам дали проводника — того самого Хранителя Порога, Лузара. Он был из народа Зии, только старенький, в очках из слюды и с бородой, заплетённой в тонкие косы, в которые были вплетены засохшие цветы и травинки. Настоящий ходячий архив. Мы шли за ним по тропе к древним архивам — пещёрам, высеченным в вечной мерзлоте и увитым корнями древних деревьев. Внутри пахло старым пергаментом, льдом и спящей землёй. Лузар выслушал наш рассказ о разбитом Зерцале Сезонов и недостающем осколке Равновесия.

— Предание гласит, — сказал он, проводя рукой по стеллажу, где лежали свитки в ледяных футлярах, — что Зерцала — это не просто индикаторы. Они — память мест силы. Если одно разбито, причина глубже, чем просто случайность. Починить его можно. Но если осколок Равновесия утерян в межмирье, его можно создать заново. Это очень сложно. Для этого нужен особый ингредиент — Ледяной Рассвет. Не просто лёд, а первый иней, упавший в этом мире на ещё тёплую землю и сохранивший в себе память и о тепле, и о холоде. Он есть только в одном месте — на Стигийском уступе, где сталкиваются дыхание вечной зимы и отголоски первого летнего рассвета.

Лузар посмотрел на меня пристально.

— Но даже имея эту сердцевину, создать новый осколок может не каждый. Для этого нужна не магия в привычном понимании. Нужна неугасимая вера в чудо, не знающее сезонов, и глубокая, нерушимая любовь к природе во всех её проявлениях — и к суровости зимы, и к щедрости лета. Тот, кто будет создавать осколок, должен уметь видеть целое за частями. Гармонию за противоречиями. Как умеет видеть лесник, знающий, что гибель одного дерева даёт жизнь грибам, насекомым и новым росткам.

Зия заворуженно слушала, будто это была сказка у костра. А я кулаком потирал лоб. Не сказка. Инструкция по выживанию. И снова — «только он». Всегда так: найдут самого старого и упрямого пса в своре — и ему самую непосильную работу. Ну что ж, Борис Игнатыч, раз уж взялся вести хозяйство в волшебном лесу — веди. Сказано «Ледяное Сердце» — значит, будем искать сердце, или что там, рассвет?. Хоть бы не пришлось своё сердце отдавать.

Зия посмотрела на меня, и в её глазах вспыхнула надежда.

— Борис Игнатыч... ты же... ты же именно такой! Ты не просто сторож, ты... ты чувствуешь лес. Ты видишь беличьи мысли и слушаешь песни ветра! И чайник твой поёт! И оленей ты понимаешь!

Я стрёб бороду в кулак. Да, я любил лес. Всей душой. И верил ли я в чудо? После всего, что случилось за эти сутки? Наверное, вера — это как раз то, что остаётся, когда все логические объяснения кончаются.

— Ладно, — хрипло сказал я. — Покажем этому уступу, где раки зимуют. Вернее, где Борис Игнатыч чудо делает. Только вот как туда добраться?

— Свистните ваших стражей-сов, я покажу путь, — сказал Хранитель.

Стигийский уступ оказался местом невероятной, пугающей красоты. Это была гигантская ледяная арка, нависшая над пропастью, из которой вырывался тёплый, пряный ветер — дыхание летней стороны. С одной стороны арки намерзали вечные, синие сосульки, с другой — они подтаивали, и вода, падая вниз, застывала снова в воздухе, образуя хрустальные цветы. Здесь вечно шла своя, тихая война и сотрудничество холода и тепла.

— Сердцевина — в самой толще, в месте их точного равновесия, — указал Лузар. — Её нужно не вырубить, а... увидеть сердцем. Прикоснуться к льду не как к материи, а как к памяти. Ну, иди, Человек!

Я подошёл к сияющей, переливчатой стене. Положил на неё ладонь. Лёд был не просто холодным. Он был... живым. В нём гудела древняя песня. Я закрыл глаза. Вспомнил не свой лес, а тот, общий: хруст снега под лыжами и запах нагретой сосновой коры; рёв метели и тихий шелест листвы; ледяную воду родника и тёплую землянику на поляне. Я не просил. Я вспоминал вслух. Шёпотом рассказывал льду о том, как это прекрасно — быть частью этого великого, вечного круговорота. О том, что и стужа, и жара нужны. Что они — две стороны одной жизни.

Под моей ладонью лёд затрещал. Не от мороза, а будто откликаясь. И из глубины, медленно, как росток, выступил на поверхность кусочек льда. Но не прозрачный, а матовый, молочно-дымчатый, и в самой его сердцевине мерцал крошечный золотистый огонёк — словно застывшая капля самого первого солнечного луча.

— Получилось... — прошептала Зия.

— Теперь — создание осколка, — напомнил Лузар. — Нужно напитать эту сердцевину, вложить в неё своё понимание равновесия. И соединить с... чем-то, что станет для неё основой. Ядром. Чем-то, сделанным с любовью своими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.